

летия до н. э. и первых веков н. э., который был несколько не ниже, чем в греческих колониях Северного Причерноморья» (стр. 51).

В последнем разделе книги автор останавливается на общественном строе местных племен. Он считает, что в это время у меотских племен происходило разложение первобытно-общинного строя. Торговые сношения меотских племен с Боспорским государством способствовали ускорению процесса разложения первобытно-общинных отношений. Рост пашенного земледелия у оседлых племен в связи со все возрастающим спросом Боспора на кубанский хлеб в IV—III вв. приводит к дальнейшему углублению социального неравенства и усилению «эксплоатации рядовых общинников богатыми семьями» (стр. 74). В последующие столетия у меотских племен усиливается имущественная дифференциация, и социальные различия «... подходят, повидимому, уже к грани классового общества» (стр. 75). К этому времени относится появление огромного количества курганов с захоронениями знати, а в родовых могильниках, наряду с могилами без инвентаря, появляются богатые захоронения. Автор приводит археологические материалы и письменные источники, свидетельствующие об имущественном неравенстве в среде меотских племен; общественный строй у меото-сарматских племен представляется ему в форме военной демократии (стр. 76).

В книге впервые публикуются отдельные памятники, например фотография статуи воина на стр. 68 или изображение развалин здания III в. до н. э., открытых на Семибратнем городище в 1940 году.

Наряду с отмеченными достоинствами в рецензируемой книге имеются, однако, и весьма существенные недостатки.

Недостаточно и несколько оторванно от исследования городищ освещены относящиеся к ним курганы и могильники. Нам представляется, что более детальное изучение отдельных могильников вместе с городищами дало бы возможность составить более полную картину развития экономики и культуры племен Прикубанья в рассматриваемый период.

Спорна также мысль автора о синдском происхождении династии Спартокидов, лишенная к тому же какой-либо аргументации (стр. 14). Известно, что эта теория впервые была высказана М. И. Артамоновым¹ и повторена В. П. Шиловым (ук. соч.). В нашей исторической науке существует и другая точка зрения о фракийском происхождении этой династии², причем она находит подтверждение и в лингвистических данных.

К сожалению, интересная книга иллюстрирована плохими рисунками и слабыми фотографиями, что следует поставить в вину Краснодарскому издательству.

А. Коровина

Д. ДЕЧЕВ, *Характеристика на тракийския език*,³ София, 1952, 136 стр.

Среди народов индоевропейской семьи есть несколько таких, которые играли в древности крупную историческую роль, но которые не создали своей письменности и литературы и о языке которых мы можем судить только по сравнительно скудно дошедшему до нас собственным именам, топонимическим и этнонимическим названиям, некоторому количеству глосс у античных авторов и т. п.

Таковы скифы, бывшие долгое время крупнейшим фактором в исторических судьбах Средней Азии, Южной России, а в отдельные периоды также Передней Азии. Таковы и фракийцы. Геродот (V, 3) пишет о фракийцах, что это — самый многочисленный

¹ К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 29—39.

² С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, Изд-во АН СССР, 1953, стр. 167 сл.

после индийского народ и, если бы он был объединен, то «был бы неодолим и могущественнее всех народов». Собственно фракийцы вместе с родственными племенами гетов и даков занимали всю нынешнюю Болгарию, европейскую Турцию, некоторые прилегающие районы Югославии и Греции, значительную часть Румынии. Во времена Геродота Фракия граничила на севере со Скифией, на юге — с Македонией. Находясь в оживленных сношениях со скифами, фракийцы, бесспорно, играли известную роль также в древних судьбах юга России. Собственные имена правителей Боспорского царства в значительной части являются фракийскими (Спарток, Котис, Рескупорид, Реметалк).

Естественно, что вопрос об этнической и языковой принадлежности фракийцев давно занимал ученых. К сожалению, языковые материалы, на которые можно здесь опереться, весьма ограничены. Имеется один связный текст — небольшая (в 10 слов) надпись на перстне из Езерова, выполненная греческими буквами. Зато в большом числе дошли до нас в греческой и латинской передаче фракийские собственные имена, имена божеств, племенные названия, названия местностей, рек, гор, населенных пунктов. При всей недостаточности этого материала, он позволил установить, что фракийцы принадлежали по языку к народам индоевропейского круга.

Первая большая обобщающая работа о фракийцах и их языке принадлежит известному чешскому ученому В. Томашеку¹. Эта основополагающая работа и поныне сохраняет свое значение. Однако за прошедшие со времени ее появления 60 лет наши знания о фракийском языке расширились и углубились как благодаря новым эпиграфическим, папирологическим и иным находкам, так и ввиду общего прогресса индоевропейского языкознания и усовершенствования методов лингвистического анализа. Назрела необходимость заново пересмотреть и систематизировать весь доступный фракийский материал и на этой основе дать более глубокую и точную его характеристику. Эту задачу поставил перед собой в рецензируемой работе крупнейший современный специалист по фракийскому языку — болгарский ученый Д. Дечев.

Как сообщает автор в предисловии, им подготовлен свод всего дошедшего до нас фракийского языкового материала. Однако опубликование этого свода Венской академией наук задерживается. Поэтому Д. Дечев считал целесообразным, не ожидая выхода упомянутого свода, предать гласности полученные им результаты по разбору фракийского языкового материала.

Книга делится на 36 глав, из которых 33 посвящены исторической фонетике фракийского языка. Автор прослеживает шаг за шагом, как отразились во фракийском языке различные звуки индоевропейского языка-основы.

В заключительных главах автор останавливается на трех вопросах: об отношении фракийского языка к фригийскому, о взаимоотношении между албанским и фракийским языком и, наконец, о месте, занимаемом фракийским языком среди индоевропейских языков.

Основные выводы автора таковы.

В отношении судьбы индоевропейских смычных согласных фракийский язык объединяется с германским, фригийским и армянским; во всех этих языках индоевропейские *b, d, g* дали *p, t, k*, и. е. *bh, dh, gh* → *b, d, g* (β, δ, γ), и. е. *p, t, k* → *ph, th, kh*. Эту общность в развитии консонантизма в перечисленных языках автор объясняет влиянием общего для них «этрuscoского» или «этрuscoидного» субстрата, в результате скрещивания с которым и образовались, по мнению Д. Дечева, эти языки.

Это скрещивание произошло после разделения индоевропейских языков на группы *satəm* и *centum*; фракийский и армянский относятся к группе *satəm*, а фригийский и германские — к группе *centum*.

Тот индоевропейский язык, от скрещивания которого с «этрuscoским» образовался фракийский язык, принадлежал, по утверждению автора, к «пранской общности». Доказывается это будто бы двойкой передачей индоевропейских *k', g', g'h* через

¹ W. T o m a s c h e k, Die alten Thraker (eine ethnologische Untersuchung), SAWW, phil.-hist. Kl., тт. 128, 130, 131 (1893—1894).

s, z, то *ʃ*, *d* (из иранских языков последнее имеет место в древне-персидском), переходом и. е. *k'w*, *g'(h)w* в *sp*, *zb*, переходом *d-t*, *dh-t*, *tt* в *st*, появлением вторичных дифтонгов (из древне-иранских языков характерно для авестийского).

По мнению Д. Дечева, нельзя говорить о фрако-фригийском языковом единстве; фригийский, в отличие от фракийского, относится к группе *centum*; кроме того, этому препятствуют и другие фонетические расхождения между ними: отличная судьба гласных *ō*, *ē* и др. Албанский язык является, по Д. Дечеву, который в данном случае приписывает к мнению Г. Гирта, продолжением не иллирийского, а фракийского, с которым он разделяет принадлежность к группе *satəm* и ряд других фонетических особенностей, чуждых иллирийскому.

Таково, вкратце, содержание книги Д. Дечева. Помимо болгарского текста, книга содержит немецкий перевод, русское резюме и указатель разбираемых слов.

Нельзя не отдать должное обилию привлекаемого материала, тщательности и точности фонетического анализа. В этом отношении автор сделал, по видимому, максимум возможного, и его труд будет иметь для данной проблемы такое же основополагающее значение, какое в свое время имел труд В. Томашека.

Вместе с тем работа автора, а в особенности некоторые его обобщающие выводы дают повод для ряда сомнений. Прежде всего понятие «характеристики языка» определяется автором чересчур узко, как исключительно фонетическая характеристика 33 главы из 36 посвящены целиком только фонетическим отношениям фракийского языка к индоевропейскому. В заключительных главах, где разбираются отношения фракийского языка к фригийскому, албанскому, армянскому, германским и иранским языкам, автор опять-таки опирается исключительно на фонетические факты.

Может быть, здесь сказалась специфика материала? Может быть, дошедшие до нас остатки фракийской речи не дают ничего для характеристики других сторон языка, кроме фонетики? Это не так. Конечно, отсутствие сколько-нибудь значительных связанных текстов на фракийском языке оставляет нас в неведении относительно его морфологии (словоизменения). Но зато дошедший до нас материал заключает в значительном количестве фракийскую лексику. С ее характеристики и должно было начаться полное описание фракийского языка. Само установление фонетических соответствий невозможно без большого предварительного сравнительно-лексикологического и этимологического исследования. И если убедительность лексических сопоставлений и этимологий в значительной степени зависит от закономерности звуковых соответствий, то и обратно — сами звуковые закономерности, извлекаемые из лексического материала, представляются тем очевиднее, чем более солидны и обоснованы те семантические и культурно-исторические предпосылки, на которых основаны лексические сближения и этимологии.

Между тем этой стороны вопроса — семантического и культурно-исторического обоснования предлагаемых лексических и этимологических сопоставлений — автор совершенно не касается. Все такие сопоставления, хотя они обладают разной степенью убедительности, преподносятся им как бесспорные. Многие из этих этимологий следовало снабдить осторожным «может быть». В науке всегда полезно проводить отчетливую границу между тем, что непреложно доказано, и тем, что относится к области предположений и возможностей. Этого разграничения автор не проводит. А между тем оно не ослабило бы, а усилило аргументацию автора, так как читатель ясно видел бы, где автор стоит на твердой почве и где почва под ним зыбкая. Когда же явно проблематичные толкования даются как аподиктические, это бросает тень сомнения и на более надежные объяснения.

Приведем один пример. Названия рек почти всегда толкуются как производные от корней, означающих «течь» (Φύλλις, Ἀρτάνης, Ἀρτισκος, Τίβισκος, Στρυμών. Νεστός, Γεῦδος и др.), или «влажный, мокрый» (Ἐβρος, Μάργος, Μεστός и др.). Нет спора, всякая река бывает более или менее текучей и влажной. Но вряд ли можно думать, что в реальной действительности все реки получают названия по этим признакам. Между тем, исходя из убеждения, что названия фракийских рек должны означать «текучая» или «мокрая», автор ищет созвучных корней в Сравнительном индоевропейском словаре

Вальде — Покорного. А так как в этом словаре имеется достаточный выбор синонимичных корней разного звучания, то почти всегда можно подобрать что-нибудь «подходящее». При этом остается неясным, каким образом эти синонимы, извлеченные из р а з н ы х индоевропейских языков, могли все сосуществовать в о д н о м фракийском языке.

Сведя «характеристику» языка к описанию его исторической фонетики, Д. Дечев не обратил внимания и на другую существенную сторону языка — с л о в о о б р а з о в а н и е. Между тем среди фракийских имен и названий есть немало сложных слов и слов, снабженных префиксами и суффиксами. Разбор этих имен позволил бы вынести некоторые суждения о фракийском словосложении и о некоторых фракийских словообразовательных формантах.

Весьма желательно, чтобы Д. Дечев, владеющий фракийским материалом лучше, чем кто-либо, при перепздании своей работы включил в свою «Характеристику» в виде самостоятельных разделов также лексику и словообразование.

Несколько слов о заключительных выводах Д. Дечева. Его выводы об отношении фракийского языка к фригийскому, а также армянскому представляются убедительными. Серьезные фонетические расхождения между фракийским и фригийским, в частности принадлежность первого к группе *satəm*, а второго — к группе *centum*, вынуждают, как справедливо указывает автор, к отказу от идеи фрако-фригийского языкового единства, вопреки категорическому утверждению Страбона (VII, 295). Солидно обоснована в книге также преемственная связь албанского языка с фракийским. Однако и после всех доводов Д. Дечева нельзя считать исключенной возможность, что в образовании албанского языка иллирийский элемент участвовал наряду с фракийским. Есть фонетические признаки, по которым фракийский (вместе с фригийским и армянским) оказывается на одной стороне, а иллирийский с албанским — на другой: индоевропейским *b, d, g* отвечают во фракийском, фригийском и армянском *p, t, k*, а в иллирийском и албанском *b, d, g*. Кроме того, иллирийскому не чужды в отдельных случаях признаки группы *satəm* (иллир. *visē* место — лат. *vīcus*).

Спорными представляются некоторые другие обобщения и гипотезы автора. Отмечая общие черты в исторической фонетике фракийского, фригийского, германского и армянского, автор объясняет эту общность влиянием единого для всех этих языков «этрускского» или «этрускоидного» субстрата. Таким образом, фракийский язык, о котором мы кое-что знаем, «объясняется» с помощью этрусского языка, о котором мы почти ничего не знаем, и с помощью каких-то «этрускоидных» языков, о которых мы ровно ничего не знаем. Такой метод объяснения называется: *obscurum per obscurius*.

Нельзя согласиться и с утверждением Д. Дечева, что «те индоевропейцы, от скрещивания которых с этрусками или этрускоидами образовалась фракийская народность, принадлежали к иранскому племени» (стр. 56). Из приводимых в пользу этого утверждения фонетических и отчасти лексических аргументов ни один не имеет силы доказательства. Замещение индоевропейских *k', g', g'h* через *s, z* характерно для всей группы *satəm*, а не только для иранского и фракийского. Что касается передачи этих согласных через *θ* и *d*, то эта особенность характерна из иранских языков только для [древне]персидского, и у нас нет никаких данных для гипотезы о том, что во фракийском могли каким-то образом выступить специфические д р е в н е п е р с и д с к и е черты.

Переход индоевропейского *o* в *a* в такой же мере свойствен германским языкам, как и иранским и фракийскому. Переход *d-t, dh-t, tt* в *st* наблюдается не только в иранских, но и в славяно-балтийских языках. Образование вторичных дифтонгов широко представлено из иранских языков только в авестийском. Но гипотеза о специфических фракийско-авестийских связях так же нереальна с исторической точки зрения, как о связях фракийско-древне-персидских.

Остается предполагаемая передача п. е. *k'w* через *sp* в словах Σπιυθο-, -εσπ-. Если здесь нет прямого заимствования из иранских языков, что вполне возможно, то остается предположение, что эта особенность развилась на фракийской почве самостоятельно.

В науке имеется ряд признаков, по которым безошибочно можно распознать принадлежность к иранской языковой группе. И фракийский не обнаруживает ни одного из этих признаков. Во-первых, переход и. е. *a, e, o* в индо-иранское *a*. Во фракийском только *o* дает *a*. Судьба и. е. *e, e, o* во фракийском иная, чем в иранских языках (см. стр. 60-ую рецензируемой книги). Во-вторых, переход и. е. *l* в индо-иранский *r*. Эта черта полностью чужда фракийскому языку; в нем индоевропейское *l* удерживается (стр. 59). В-третьих, и. е. *s* дает в иранском *h* (кроме некоторых положений). Во фракийском же и. е. спирант *s* частью остается без изменения, частью переходит в *z* (стр. 59).

Всего этого достаточно, чтобы отказаться от отнесения фракийского языка с точки зрения его генезиса к иранскому единству.

В заключение следует еще раз отметить несоответствие между заглавием книги Д. Дечева и ее содержанием. Полная «Характеристика фракийского языка» должна включать, помимо фонетики, также лексику и словообразование. Освещение этих важных сторон фракийского языка в пределах доступного материала существенно пополнило бы наши знания об этом языке и лишней раз подтвердило бы, что он не относится к иранскому единству.

В. И. Абаев

«Известия на Археологическия институт», XVIII, София, 1952, 474 стр.¹

Археологический институт при Болгарской Академии наук является центральным научным учреждением, призванным руководить полевой и научно-исследовательской работой в области археологии Болгарии. С этой точки зрения, перед сборниками, выпускаемыми Болгарским археологическим институтом, стоят серьезные задачи, связанные прежде всего с идейно-теоретическим обобщением ценных археологических материалов, постановкой и решением важнейших проблем первобытно-общинной и рабовладельческой формаций, публикацией как новых, добытых последними раскопками материалов, так и находящихся в музеях и до сих пор еще не опубликованных.

Рецензируемый сборник свидетельствует о широком размахе полевых исследований в Болгарии и о существенной перестройке всей музейной работы. Основное внимание в статьях уделено не единичным, интересным с искусствоведческой точки зрения предметам, как это имело место раньше, а массовому археологическому материалу, характеризующему производительную деятельность людей в отдаленном прошлом. Большое внимание уделяется методике раскопок, вопросам стратиграфии, и научной публикации материала. В сборнике отразился расцвет музейного дела во многих городах Болгарии. Ряд опубликованных материалов добыт в результате раскопной деятельности местных музеев. Еще в недавнем прошлом периферийные музеи Болгарии вели раскопки на средства и силами любителей; в настоящее время местные музеи финансируются народными советами, штат многих из них пополнился необходимыми научными кадрами, что сказалось на увеличении объема археологических работ и улучшении их качества.

Сборник состоит из трех разделов: в первом разделе помещено 10 статей по древней истории, в разделе «Археологические вести» дается краткий отчет об археологических раскопках, последний раздел сборника занимают рецензии и библиография.

Большинство статей посвящено публикации материалов последних раскопок. К ним следует отнести прежде всего статью Г. Георгиева и Н. Ангелова «Раскопки на селищната могила до Русе (г. Руцук) през 1948—1949 гг.». Верхние слои

¹ В данной рецензии освещены только статьи, касающиеся древней истории.

этого памятника относятся к римскому времени и латенской эпохе, более глубокие — к энеолиту (III—II тыс. до н. э.). Жилища периода энеолита состояли из прутьев, обмазанных глиной. Орудия труда изготовлялись из камня, рога, кремня, кости и меди. Интересны коллективные находки большого количества (около 40) кремневых ножей. Керамика представлена чрезвычайно богато: в слое римского времени встречены ребристые сосуды с высокой ручкой, некоторые из которых имели косо срезанные горла. Керамика нижнего слоя сделана от руки и украшена рельефным ручным орнаментом.

В неолитическом слое на различной глубине обнаружено 36 захоронений. В некоторых черепах заметны правильные четырехугольные отверстия, в других — отверстия неправильной формы. Черепа, по мнению авторов статьи, относятся к групповым захоронениям и принадлежат насильственно умерщвленным.

Население позднеэнеолитического поселения занималось рыболовством, охотой, земледелием, ткачеством; связь его с близкими и далекими соседями засвидетельствована наличием изделий из мрамора (браслет), меди (орудия) и золота (кольцо), которых близ Рушцука нет.

Таким образом, Г. Георгиев и Н. Ангелов публикуют интереснейший материал. Однако примененный ими метод публикации по видам объектов (жилища, погребения, орудия труда и т. д.) встречает возражение. Несмотря на то, что во многих случаях указана глубина залегания того или иного предмета, у читателя не создается цельного впечатления о различных периодах жизни поселения, вследствие чего теряется исторический подход к изучаемому материалу. К тому же указание на глубину залегания памятника далеко не всегда определяет период, к которому он относится, ибо на одной и той же глубине могут находиться памятники разных эпох и периодов. Стратиграфический метод требует не только определения глубины залегания отдельных объектов, но и анализа последовательности слоев, отражающих различные периоды жизни поселения, города и т. д.

Статья Г. Георгиева и Н. Ангелова много выиграла бы, если бы опубликованный материал был более полно использован для выводов о социально-экономическом развитии поселения. Нельзя ли, например, исходя из размеров жилищ (11 × 7,5 м и 9 × 8,5 м), предположить, что в них совместно проживали члены одного рода или несколько семей, еще не выделившихся из рода? Известно, что позднее, в эпоху раннего железа жилища обычно были значительно меньше. Например, при раскопках 1923 г. поселения Кразани на Яломнице обнаружены жилища, тоже сделанные из ветвей и обмазанные глиной, но имеющие размер 2 × 2 м¹. Вероятно, в последних жила одна семья.

Факт находок большого количества орудий, притом не бывших в употреблении, возможно, указывает на существование родовой мастерской, изготовлявшей орудия не только для своих сородичей, но, быть может, и для обмена.

Статьи Кр. Миятева, С. Георгиевой и Ст. Станчева посвящены раскопки Кадыкёйского городища. Выбор объекта был непосредственно связан с пожеланием советских археологов — П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и А. В. Арциховского, которые в 1946 г. побывали в Болгарии и предложили вести совместные раскопки славянского поселения в северо-восточной Болгарии. Объектом для совместных работ было избрано Кадыкёйское городище, расположенное на берегу Дуная, между Тутраканом и Силистрией. Многие болгарские историки отождествляли это городище с тем новым «преславным» дворцом на Дунае, который якобы построил болгарский хан Омуртаг (IX в). Раскопки должны были решить вопрос о том, можно ли отождествлять Кадыкёйское городище с Омуртаговым дворцом. Кр. Миятев и Ст. Станчев в общем склонны дать отрицательный ответ на этот вопрос, хотя и не решают его окончательно: материалы раскопанного городища аналогичны находкам из древнеболгарских центров — Прослава и Плиска (типичная славянская керамика).

¹ V. Pârvan, *Getica, Memoriile sect. istorice*, сер. III, т. III, București, 1926, стр. 741.